

Ясный вечер, изящные закатные облака, щебет птиц и утопающая в лучах заходящего солнца вилла с садом — всё выглядело как в сказке, невероятно красиво.

Только вот цветы в саду давно завяли, певчие птицы облетали крышу стороной, а в доме, несмотря на горящий камин, царил ледяной холод, и не чувствовалось ни капли уюта, который дарит жилой дом.

Тогда еще совсем юный Сян Цзинъюань с замирающим сердцем толкнул парадную дверь.

Внутри стояла пугающая тишина. Изможденная женщина сидела за обеденным столом, не мигая глядя на куклу, которую прижимала к груди, словно охраняла расставленные перед ней блюда. Послышался скрип двери, и она медленно, с какой-то механической заторможенностью, повернула голову.

— Сяо Цзин вернулся? — на её лице, казалось, промелькнула улыбка, но в следующую секунду глаза, окруженные сетью морщин, внезапно расширились, брови нахмурились. Она швырнула куклу на пол, и на её лице отразились удивление и замешательство. Голос стал резким: — Почему так поздно?

— Тётушка, я только что из школы... — Сян Цзинъюань закрыл дверь и натянуто улыбнулся.

— Только что из школы? — глаза тётушки вытаращились еще сильнее, брови сошлись на переносице. Она долго вглядывалась в него, словно пытаясь что-то вспомнить, и вдруг просияла: — Ой, точно, я и забыла. Наш Сяо Цзин уже вырос, уже в средней школе учится...

Сян Цзинъюаню оставалось только кивнуть. Тётушка говорила так каждый день, но на следующее утро снова принимала его за пяти-шестилетнего ребенка, снова готовила ему кукол и снова к трём часам дня накрывала на стол, дожидаясь, пока он вернется из школы к пяти.

Он до смерти боялся таких моментов и мечтал лишь об одном — поскорее запереться в своей комнате.

— Сяо Цзин, иди скорее кушать! — тётушка поманила его рукой, одарив чистой, полной ожидания улыбкой. — Я приготовила твои любимые блюда.

Еда на столе стояла уже часа два, давно растеряв свой аромат и остыв. Сян Цзинъюаню пришлось выдавить из себя кривую улыбку:

— Тётушка, я уже поел в школе.

Улыбка на лице женщины мгновенно застыла, а следом её затопила бесконечная печаль. Слезы градом покатились из глаз, словно весь мир в одночасье лишился красок, даже губы задрожали.

— Сяо Цзин больше не любит мою еду... — начала она беспорядочно бормотать себе под нос. — Сяо Цзин больше не любит тётушку... Сяо Цзин ненавидит тётушку... Зачем тогда мне вообще жить... — с этими словами она схватила со стола столовый нож и с силой полоснула себя по запястью.

— Тётушка! — в глазах Сян Цзинъюаня застыл ужас. Дрожащим голосом он остановил её, а затем, переставляя ватные ноги, послушно подошел и сел за стол. Дрожащими пальцами он взял нож из её рук и натянуто улыбнулся:

— Ну как Сяо Цзин может не любить тётушку? Сяо Цзин... Сяо Цзин больше всех на свете любит тётушку...

И под её свирепым, но довольным взглядом он принялся вилкой, кусок за куском, запихивать в себя эту холодную еду.

Ледяная пища вызвала спазмы в желудке, боль была невыносимой, и в конце концов он, не выдержав, рухнул на пол, теряя сознание...

Он резко открыл глаза.

Комната была незнакомой, но тонкий древесный аромат, пробивавшийся сквозь запах пороха, сразу принес успокоение. Его тело окутывало тепло. Подняв голову, он увидел длинные ресницы и прямой нос Фан Ичэня и лишь с опозданием понял, что находится в его объятиях.

Он не успел даже смутиться, как желудок пронзила резкая боль — видимо, вчерашняя горячая еда, съеденная слишком быстро, раздражила его слабый кишечник.

Впрочем, винить себя не стоило: после почти двадцати лет холодной пищи, когда кто-то наконец от всей души приготовил ему такой горячий ужин, он даже жалел, что съел так мало.

Но Фан Ичэнь вчера сказал, что это не единственный раз, когда он будет готовить для него. От этой мысли сердце радостно затрепетало, он невольно пошевелился и ощутил знакомую странную тяжесть.

Лицо его вспыхнуло.

— Проснулся?

Ленивый, слегка хриплый голос раздался прямо над ухом. Он хотел было прикрыть ладонью пылающие щеки, но заметил на левом запястье несколько витков бинта.

— Прости, вчера случайно задел, — Фан Ичэнь смущенно улыбнулся и, взяв его за руку, легонько сжал запястье. — Вечером, когда вернусь, поменяю повязку.

Лицо Сян Цзинъюаня стало еще краснее.

— Как ты себя чувствуешь? — Фан Ичэнь притянул его ближе и ласково убрал прядь волос со лба. — Я вчера всё обработал, всё хорошо?

— В-всё в порядке, — Сян Цзинъюань от стыда забыл про боль в желудке и уткнулся лицом ему в грудь. Как этому человеку удастся так легко выходить из неловких ситуаций, подобных той, что была вчера?

Когда они позавтракали и собрались, было уже за восемь. Фан Ичэнь, сжимая руль и глядя прямо перед собой, прочистил горло:

— Ну... документы все взял?

Сян Цзинъюань кивнул, и его сердце снова пустилось вскачь.

На самом деле он тысячу раз представлял, как они с Фан Ичэнем будут регистрировать брак.

Радость, восторг, предвкушение, сладость — он даже продумал, как именно должен выглядеть. Но он никак не ожидал, что будет так нервничать: во время фотографирования уголки его губ нервно подергивались, рука при заполнении анкеты дрожала так, что он едва мог вывести буквы, а те несколько шагов, что нужно было пройти, дались ему с трудом. Он чувствовал себя пациентом после реабилитации, которому постоянно требовалась поддержка Фан Ичэня.

Сян Цзинъюань чувствовал, что именно в этот день он показал себя с самой жалкой и нелепой стороны.

Но когда в его руках наконец оказался этот тяжелый, словно золотой, красный паспорт, все те чувства, о которых он мечтал, нахлынули разом. В голове всё помутилось, но при этом пришло ясное осознание: теперь Фан Ичэнь принадлежит ему.

От этой мысли хотелось подпрыгнуть от счастья, и даже желудок перестал болеть.

На лице Фан Ичэня по-прежнему играла сдержанная, идеально подходящая моменту улыбка. Он был куда спокойнее Сян Цзинъюаня. Наблюдая за тем, как тот прижимает к груди свидетельство, не в силах скрыть восторга, он лишь тихо спросил:

— Счастлив?

<http://bllate.org/book/19077/1873584>